

ФИЛИЧЕВА Н. И.

ЯЗЫКОВАЯ ОБЩНОСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Развитие теории и истории литературных языков, разработка проблем диалектологии, ареальной лингвистики и социалингвистики в последние десятилетия раскрыли многообразие реальной языковой действительности и форм функционирования языка. Научные достижения этих отраслей языкознания способствовали все более глубокому осознанию полисистемного характера любого развитого национального языка, представляющего собой сложную, иерархически организованную макросистему, которая включает разные формы существования. Так, в функциональную парадигму (термин М. М. Гухман [1, с. 4]) современного немецкого языка входят в качестве низшего страта местные диалекты, верхний страт образует национальный литературный язык, а средний (промежуточный) страт заполняют наддиалектные типы речи — полудиалекты и разновидности общинно-разговорного языка. Формы существования немецкого языка могут исследоваться как моносистемы в известной абстрагированности от макросистемы в целом. Однако в полной мере их своеобразие (в особенности в низших и средних стратах) выявляется только при диасистемном анализе, основывающемся на установлении корреляций между исследуемыми системами в синхронии, или при диасистемно-диахроническом подходе, когда в дополнение к названным корреляциям устанавливается также соотношение с предшествующей исторической ступенью. Структура функциональной макросистемы современного немецкого языка благодаря его полинациональному характеру отличается значительной сложностью. Выступая в качестве средства коммуникации в нескольких немецкоязычных государствах, он реально функционирует в виде коррелирующих друг с другом национальных вариантов макросистемы в целом [2, с. 14; 3, с. 37—38].

Несмотря на интенсивную разработку теории вариантности полинациональных языков в последние годы, ее научный аппарат нельзя рассматривать как полностью сложившийся и не требующий никаких уточнений. В связи с этим в настоящей статье предпринята попытка уточнить понятие языковой общности в свете некоторых новейших работ в данной области.

При изучении причин дивергентности языкового развития важное значение приобретает вопрос о реальных типах объединений носителей языка и их соотносительности друг с другом в условиях определенной исторически сложившейся языковой ситуации. Польский лингвист Л. Заброцкий отмечает зависимость процессов дифференциации и конвергенции в развитии языка от изменений, происходящих в группировках его носителей, которые он делит на два вида: «коммуникативное сообщество» (*wspólnota komunikatywna*) и языковое сообщество (*wspólnota językowa*) [4, с. 9; ср. 5, с. 7]. Особенно значительная роль отводится им первому виду, в основе выделения которого лежит единство деятельности (хозяйственно-экономической, общественно-политической, культурно-просветительной, религиозно-культурной, семейно-бытовой и др.), требующее обмена информацией и взаимопонимания. Коммуникативные сообщества весьма многочисленны и разнообразны как по количественному составу, так и по степени устойчивости. Большой стабильностью характеризуются, в частности, коммуникативные сообщества в рамках государственно-административных образований. Языковое сообщество складывается на основе единства языка как средства общения. Объединяя людей по разным признакам, коммуни-

кативные и языковые сообщества часто не совпадают: одному языковому сообществу могут соответствовать разные коммуникативные сообщества, а одно коммуникативное сообщество может делиться на несколько языковых. В каждом из этих случаев возникают особые условия для функционирования и развития языка. Если в пределах одного коммуникативного сообщества его члены пользуются разными языками, то создается ситуация, благоприятствующая языковым контактам и взаимовлиянию языков, а в конечном итоге, конвергенции. Напротив, разделение одного языкового сообщества на два или более коммуникативных способствует процессам языковой дивергенции и с течением времени приводит к образованию отличающихся друг от друга вариантов одного и того же языка.

Анализируя понятия «языковая общность» (*Sprachgemeinschaft*) — «коммуникативная общность» (*Kommunikationsgemeinschaft*), лингвист из ГДР Ю. Шарнгорст вносит определенные уточнения в распространенную трактовку первого из них [6, с. 655 и сл.]. Типом конкретной исторической общности, соотношенной с понятием языковой ситуации, он считает коммуникативную общность, определяя ее как объединение людей, связанных друг с другом совместной деятельностью и соответственно коммуникацией. Коммуникативные общности состоят из людей, которые делают что-либо сообща и которым поэтому есть что сказать друг другу [7, с. 518]. Особое значение в исторически продолжительный период классового общества придается обществу с государственной организацией как социальной единице, «которая на базе своей социальной структуры и разнообразных форм разделения труда обладает относительной самостоятельностью и выступает в качестве носителя в высшей степени сложных, прочных и длительных коммуникативных отношений» [7, с. 519]. Весьма существенно в соотношении с языковой ситуацией и понятие «языковой общности». В обычном широко распространенном понимании языковая общность нередко трактуется как «группа людей, которые сами считают себя носителями одного и того же языка» [8, с. 140]. Таким образом содержание, вкладываемое в это понятие, в значительной мере основывается на языковом самосознании.

Языковая общность может совпадать с коммуникативной общностью в рамках одного государства. Она может также вместе с одной или несколькими другими языковыми общностями входить в одну коммуникативную общность в составе определенного государства, а внутри этой государственной-оформленной коммуникативной общности составить территориально или социально ограниченную коммуникативную общность (например, коммуникативная общность лиц лужицкой национальности — сорбов в ГДР). Наконец, языковая общность может выходить за границы коммуникативной общности в пределах одного государства и соотноситься с несколькими коммуникативными общностями в разных государствах. Поскольку в исторически тождественном «самостоятельном» языке в случае употребления его в разных государствах закономерно развиваются более или менее сильные различия (ср., например, английский язык в Великобритании и США, немецкий язык в обоих германских государствах — ГДР, ФРГ, в Австрии и Швейцарии), то вопрос о том, имеет ли исследователь-лингвист в подобных случаях дело с одной языковой общностью, как подчеркивает Ю. Шарнгорст, в высшей степени осложняется. Если принять приведенное выше широко распространенное понимание языковой общности, то решение данного вопроса будет зависеть, прежде всего, от таких социально-психологических, т. е. субъективных, факторов, как, например, чувство принадлежности к определенному коллективу («*Zusammengehörigkeitsgefühl*»). Лингвистика не располагает научным термином, который позволял бы адекватно охватить коллектив носителей определенного языка. Чтобы восполнить этот терминологический пробел, Ю. Шарнгорст предлагает передать содержание соответствующего понятия термином («*Kodegemeinschaft*» — «системная общность»). «Системная общность» в понимании Ю. Шарнгорста представляет собой группу людей, пользующихся в основном одной и той же языковой системой (включая ее национальные, функциональные, социальные и др. ва-

рианты). Это лингвистическое понятие образует дополняющую пару к понятию «коммуникативная общность», не имея таких психологических и эмоциональных коннотаций, как понятие «языковая общность».

Данное терминологическое уточнение влечет за собой и другое. В общезыковом употреблении слово «Sprachgemeinschaft» может сохранить свое значение, в котором доминирует субъективный момент. Применяя названное обозначение в качестве лингвистического термина, под языковой общностью, согласно предложению Ю. Шарнгорста, следует понимать только группу людей, которая, используя в основном одну и ту же языковую систему, образует одновременно коммуникативную общность. Таким образом, с разными коммуникативными общностями соотносится только системная общность, тогда как языковая общность объединяет лишь членов одной определенной коммуникативной общности. Уточнения, предлагаемые Ю. Шарнгорстом, отвечают деятельностной концепции языка и, несомненно, имеют существенное значение для теории вариантности полинациональных языков.

В развитие идеи Ю. Шарнгорста в настоящей статье при выделении языковой общности (в строгом лингвистическом понимании этого термина) предлагается учитывать дополнительно два важных обстоятельства. Прежде всего следует выяснить, какие формы существования языка и в каких стратах функциональной парадигмы соотносятся с определенной коммуникативной общностью и используются ею. Кроме того, необходимо установить, выступает ли языковая система, используемая в страте литературного языка, по отношению к другим формам существования в качестве всеобъемлющей языковой системы более высокого ранга (*Überdachung*) [9, с. 42].

Релевантность этих дополнительных моментов при изучении варьирования полинациональных языков будет раскрыта в статье на материале сопоставления функционирования немецкого языка в немецкоязычных кантонах Швейцарии и в Люксембурге. На первый взгляд может показаться, что языковая ситуация в названных странах обнаруживает много общего. И в той, и в другой стране в рамках государственно-оформленной коммуникативной общности используется несколько языковых систем, что позволяет охарактеризовать сложившуюся здесь языковую ситуацию как мультилингвальную в отличие от унилингвальной ситуации других немецкоязычных стран — ФРГ, ГДР и Австрии. Однако при более детальном рассмотрении выявляются значительные различия между названными странами. В Швейцарии в рамках государственно-оформленной коммуникативной общности максимальные общественные функции на паритетных началах разделяют (каждый в своих кантонах) три языка, официально признанных государственным, — немецкий, французский, итальянский [2, с. 134 и сл.]. Языковые зоны Швейцарии, как показывает А. И. Домашнев, не представляют собой неподвижных и в языковом отношении гомогенных единиц. В местах схождения языковых границ имеются зоны двуязычия, в силу чего все языки Швейцарии непрерывно и на всех уровнях влияют друг на друга, обнаруживая черты определенной консолидации в своем развитии. Однако в основных областях своего распространения языки, как и этнические традиции и культура, живут достаточно самостоятельной, автономной жизнью. Внутри государственно-оформленной общешвейцарской коммуникативной общности в 19 немецкоязычных кантонах выделяется территориально ограниченная коммуникативная общность германо-швейцарцев, образующих одновременно и языковую общность, поскольку они используют единую языковую систему — немецкий язык. Системная общность соответствует здесь коммуникативной общности. Используемая на данной территории языковая система (немецкий язык) представлена двумя основными формами существования — национальным литературным языком наддиалектного типа и швейцарско-немецкими (алеманнскими) диалектами. Она во всех стратах функциональной парадигмы соотносится с германо-швейцарской коммуникативной общностью. Между названными формами существования немецкого языка в Швейцарии имеется непосредственная связь, которая проявляется в двух аспектах. Во-первых, але-

манские диалекты Швейцарии осознаются как генетически родственные немецкому литературному языку и в плане синхронии выводимые из него, что составляет одно из необходимых условий отнесения их к немецким диалектам [9, с. 49]. Во-вторых, немецкий литературный язык выступает в Швейцарии по отношению к местным диалектам как всеобъемлющая языковая система более высокого ранга. В этом плане представляется правомерным протест швейцарского лингвиста Х. Руппа против распространенного в Швейцарии мнения, что устная форма немецкого литературного языка (у Х. Руппа Standarddeutsch, Standard) является для германо-швейцарца первым иностранным языком. Отмечая, что швейцарско-немецкие диалекты так же принадлежат к диалектам немецкого языка, как швабские, баварские, гессенские, саксонские, нижненемецкие, Х. Рупп подчеркивает лингвистическую несостоятельность подобного мнения. Швейцария в этом отношении не представляет собой особого случая по сравнению с таким немецкоязычным государством, как ФРГ, поскольку проблемы переключения с диалекта на литературный язык у германо-швейцарца не более значительны, чем у жителя Верхней Баварии в небольшой горной деревушке, где еще говорят на диалекте [10, с. 222].

В сфере максимальных общественных коммуникативных функций германо-швейцарцы используют немецкий литературный язык в особом национальном варианте и преимущественно его письменную форму. Примечательно, что если условия общения не требуют от германо-швейцарцев выбора между принятыми в стране языками, они всегда обращаются к немецкому. Устное общение в принципе осуществляется на местных диалектах. Последние, несмотря на определенную региональную дифференцированность (деление на поддиалекты), характеризуются высокой степенью гомогенности, благодаря которой взаимопонимание между носителями различных швейцарских поддиалектов осуществляется беспрепятственно. По свидетельству Х. Руппа, жители Берна, Цюриха и Базеля в устной беседе будут говорить соответственно на бернском, цюрихском и базельском немецком; ни один из них не пойдет другому навстречу, пытаясь использовать некую несуществующую наддиалектную форму «швейцарско-немецкого». «Каждый германо-швейцарец, — заключает Х. Рупп, — говорит обычно на своем диалекте, и для него само собой разумеется, что другой его понимает» [10, с. 216]. В силу такого своеобразия устной коммуникации в Швейцарии первоначально не было сильных стимулов к развитию промежуточной между литературным языком и диалектами формы — общедно-разговорного языка (Umgangssprache), что столь характерно для германских государств — ГДР, ФРГ. Представляя собой довольно однородное лингвистическое образование, швейцарско-немецкие диалекты в пределах германо-швейцарской языковой общности выполняют функции общедно-разговорного языка. Кроме того, эти диалекты вторгаются и в область общественных функций немецкого литературного языка, частично (в регламентированных местной традицией диалогических ситуациях и в подходящих типах текстов) используя в официально-деловом общении, как средство публичной речи, в сфере научной речи, в художественной литературе, в театре, кино, на телевидении, в функции средства обучения в школах, гимназиях, университетах, при богослужении. Так, например, в университетах лекции читаются и семинарские занятия ведутся, как правило, на немецком литературном языке, практические же занятия по естественно-научным и техническим дисциплинам проходят на диалекте. В свои приемные часы профессора говорят на диалекте, диалектом они пользуются в беседах с коллегами и студентами. На телевидении передачи, посвященные новостям дня, политические комментарии, спортивные репортажи ведутся на немецком литературном языке, а спортивная передача типа «Спорт за неделю» — на диалекте. Дикторский текст к передачам, посвященным классической музыке, дается на литературном языке, тогда как пояснения к концертам эстрадной музыки идут на диалекте [10, с. 217]. Таким образом, диалект отличается в данном ареале повышенной социально-функциональной значимостью [2, с. 139], что позволяет некоторым исследователям характеризовать его как «куль-

тивируемый диалект» (Ausbaudialekt) [11, с. 59]. Повышенная социально-функциональная значимость диалекта делает понятным наблюдающееся в Швейцарии в последние годы характерное явление, которое Х. Рупп называет новой диалектной волной. Действие этого явления сказывается, в частности, в том, что учащаются случаи использования диалекта в учебном процессе в школах и университетах. Отдельные профессора читают лекции и принимают экзамены, пользуясь диалектом. Можно услышать даже научные доклады на диалекте. Аналогичная ситуация наблюдается на радио и телевидении: диалект используется здесь без учета типа текста и характера аудитории, причем тексты, подготовленные на литературном языке, в процессе чтения транспонируются в диалектное звучание [10, с. 222]. Отмечая, что проявления новой диалектной волны вызывают обоснованную тревогу в педагогических и политических кругах, Х. Рупп прогнозирует на ближайшие годы ее спад [10, с. 224—225]. Он подчеркивает также, что развитие на базе местных алеманских диалектов особого швейцарского варианта литературного языка невозможно. Хотя в целом диалектная речь в немецкоязычных кантонах Швейцарии не имеет такой яркой социальной маркированности, как в других капиталистических немецкоязычных странах, в настоящее время прослеживаются определенные различия в оценке социальной престижности городских и сельских реализаций диалектов [2, с. 143]. Как убедительно показывает А. И. Домашнев, основываясь на материалах новейших исследований в данной области, в наши дни намечается тенденция к становлению стандартного (образцового) типа обиходно-разговорного языка (Normalschweizerdeutsch) на базе престижного городского полудиалекта одного из крупнейших центров Швейцарии — Цюриха, так называемого цюрихско-немецкого [2, с. 148].

Немецкий литературный язык в Швейцарии как высший страт функциональной парадигмы обладает дифференциальными (швейцарскими) чертами, которые выявляются на всех системных уровнях и имеют характер кодифицированной (эксплицитной) нормы, что позволяет выделить особый швейцарский вариант нем. ког. литературного языка. Степень расхождения данного варианта немецкого литературного языка с собственно немецким вариантом литературного языка в ГДР и ФРГ значительно выше, чем, например, австрийского. Объясняется это тем, что в Швейцарии длительное время отсутствовало посредствующее звено, через которое обычно осуществляется взаимодействие диалектов и литературного языка, т. е. особый обиходно-разговорный язык (Umgangssprache). Поэтому взаимодействие диалектов с литературным языком протекало непосредственно, путем прямых контактов, что благоприятствовало переинтеграции диалектных (алеманских) форм. Алеманский диалектный материал, освоенный литературным языком в Швейцарии, лежит в основе большинства собственно гельвецизмов, т. е. языковых явлений, не свойственных немецкому литературному языку за пределами данной страны. Наличие подобных явлений составляет наиболее существенную отличительную черту швейцарского варианта литературного языка. Гельвецизмы, генетически восходящие к диалектным особенностям, наиболее полно представлены в лексико-семантической системе, словообразовании и фразеологии. Ср., например, швейц. *Fürsprech* «адвокат, защитник» (собственно нем. *Rechtswalt, Anwalt*); швейц. *Rock* «женское платье» — нем. *Rock* «юбка»; швейц. *Znüni* «второй завтрак» (нем. *das zweite Frühstück, Zwischenmahlzeit*), швейц. *in die Hosen steigen* «приготовиться к борьбе» (нем. *sich zum Kampf bereit machen*).

От охарактеризованной выше языковой ситуации в Швейцарии коренным образом отличается уникальная языковая ситуация в Люксембурге, где на сплошной территории страны в рамках этнически однородного и немногочисленного коллектива используются одновременно три языковых системы, три языка — французский, немецкий и люксембургский или летцебургский язык (Letzeburgisch), генетически восходящий к диалекту мозельско-франкской группы западносреднемецкого ареала. Люксембуржцы пользуются им прежде всего как средством повседневного языкового общения без каких-либо социальных, возрастных и других огра-

Немецкий язык в Швейцарии

Коммуникативная общность	Форма существования языка	Реальные функциональные соответствия каждой формы существования	Соотнесенность коммуникативной общности с языковой системой немецкого языка
Германо-швейцарская общность	Литературный язык	Швейцарский вариант немецкого литературного языка	Во всех странах
		Швейцарско-немецкие диалекты	
	Обиходно-разговорный язык	Швейцарско-немецкие диалекты	

Немецкий язык в Люксембурге

Коммуникативная общность	Форма существования языка	Реальные функциональные соответствия каждой формы существования	Соотнесенность коммуникативной общности с языковой системой немецкого языка по странам
Люксембургская общность	Литературный язык	Французский язык	В стране литературного языка
		Немецкий язык	В стране литературного языка
		Люксембургский	Во всех странах
	Обиходно-разговорный язык	Люксембургский и его поддиалекты	

ничений. Со времени после окончания второй мировой войны наметилась тенденция к использованию люксембургского также как средства коммуникации, обладающего характеристиками письменного языка, причем он участвует в реализации функциональных задач, возложенных на оба государственных языка страны — французский и немецкий. Наряду с люксембургским, в Люксембурге функционируют два государственных языка — французский и немецкий, находящиеся между собой в условиях конкурентного употребления. Основная часть периодики, газеты, иллюстрированные журналы, еженедельники и другие издания выходят на немецком языке. Выбор одного из государственных языков нередко определяется не их функциональным статусом, а связан с причинами социального характера. Люксембургские исследователи в своих работах отмечают, что французский используется преимущественно узкими группами населения, принадлежащими к верхним социальным слоям. Немецкий употребляется менее образованными слоями общества.

Как было показано ранее, в Швейцарии немецкий язык соотносится с германо-швейцарской коммуникативной общностью во всех формах существования, представленных в данном регионе, а немецкий литературный язык выступает там по отношению к другим формам существования в виде верхнего страта функциональной парадигмы. Поэтому германо-швейцарская коммуникативная общность является одновременно и немецкоязычной языковой общностью.

В Люксембурге во всех формах существования и на всех стратах функциональной парадигмы с люксембургской коммуникативной общностью как языковая система соотносится только люксембургский. Таким образом, применительно к данной стране можно говорить только о люк-

сембургской языковой общности. Графически охарактеризованные различия между германо-швейцарской и люксембургской коммуникативными общностями могут быть представлены в виде схем (с. 60).

По признаку использования той же языковой системы люксембургская коммуникативная общность оказывается связанной с франкоязычной и немецкоязычной системными общностями, Французский язык, не представляющий собой близкородственной люксембургскому языковой системы, находит применение только в высшем страте функциональной парадигмы и функционирует в люксембургской коммуникативной общности как иностранный язык. Сложнее определить соотношение люксембургского с близкородственным немецким языком. В настоящее время люксембургский, несмотря на свою генетическую близость к немецкому языку, не может рассматриваться как одна из форм существования немецкого языка в Люксембурге, поскольку немецкий литературный язык не выступает по отношению к люксембургскому в качестве языковой системы более высокого ранга. Люксембургский является скорее близкородственной немецкому языковой системой, «самостоятельным» новым германским языком, высшая форма существования которого — литературный язык — находится еще в стадии становления. Х. Клосс характеризует люксембургский как «культивируемый (сознательно развиваемый язык)» (*Ausbausprache*) [11, с. 106], понимая под «сознательным развитием» (*Ausbau*) эволюцию в двух взаимосвязанных направлениях (измерениях): появление новых стилистических средств, их дифференциацию и модернизацию; расширение сфер применения, распространение их на художественную литературу, деловую прозу, тексты мировоззренческого характера, тексты-обращения к слушателю (средства массовой коммуникации — радио и телевидение) [11, с. 38—39].

В силу рассмотренных обстоятельств в Люксембурге не сложился особый вариант немецкого литературного языка. Однако в употреблении немецкого литературного языка имеются отдельные устойчивые дифференцирующие черты. К числу таких черт относятся, в частности, местные особенности речи, восходящие к диалектным элементам [ср., например, употребление лексем *Bongert* «плодовый сад», «огород» вместо *Baumgarten*, *Obstgarten*; *Schmiere* «хлеб с маслом» вместо *Butterbrot*; *schaffen* (нейтр.) «работать», *Schaffshose* «рабочие брюки» вместо *Arbeitschhose* и др.], впоследствии смысловое различие отдельных лексических единиц [ср., например, употребление лексемы *der Unglückliche* в несвойственном ей в немецком литературном языке значении «потерпевший (от несчастного случая), пострадавший» вм. нем. *der Verunglückte*], наличие слов-гибридов, состоящих частично из французских языковых элементов [например, *Kinder-Charette* «детская коляска» (вм. нем. *Kinderwagen*)], устойчивость некоторых архаичных грамматических особенностей (например, сохранение окончания *-e* в дат. падеже ед. числа: *mit dem Volke*, *in seinem Heime*, *im besten Zustande*).

Наличие живой связи между литературным языком и другими формами существования является необходимой предпосылкой для их взаимодействия друг с другом. Это взаимодействие, в свою очередь, способствует накоплению в литературном языке специфических для соответствующей коммуникативной общности структурных особенностей. Получая общественное признание, последние кодифицируются и приобретают характер эксплицитной нормы, определяющей своеобразие каждого данного национального варианта немецкого литературного языка. Именно структурно-нормативная дивергентность составляет релевантный признак национальных вариантов единого литературного языка. Если между близкородственными языковыми системами и немецким литературным языком, используемыми одной коммуникативной общностью, нет непосредственной живой связи, если немецкий литературный язык не выступает как единственная языковая система более высокого ранга, такие близкородственные языковые системы не могут рассматриваться как формы существования немецкого языка. Поэтому взаимодействие между ними и немецким литературным языком носит менее интенсивный характер, чем в первом слу-

чае. Местные особенности употребления немецкого литературного языка не получают кодификации, а отсутствие признака структурно-нормативной дивергентности не позволяет выделить особый национальный вариант немецкого литературного языка.

Рассмотренный материал свидетельствует о важности учета таких объективных моментов, как разграничение системной и языковой общностей, соотносимость языковой общности с разными стратами функциональной парадигмы, положение в этой парадигме литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Типы наддиалектных форм языка. М., 1981.
2. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л., 1983.
3. Филичева Н. И. Методологические вопросы истории немецкого литературного языка. — Вестник МГУ, 1983, сер. 9, № 1.
4. Zabrocki L. Wspólnoty komunikatywne w genezie i rozwoju języka niemieckiego. Warszawa, 1963.
5. Варианты полинациональных литературных языков. Киев, 1981.
6. Scharnhorst J. Zu einigen Grundbegriffen bei der Analyse von Sprachsituationen — ZPSK, 1980, Bd. 33, Hf. 6.
7. Sprachliche Kommunikation und Gesellschaft. Berlin, 1974.
8. Halliday M. A. K. The users and uses of language. — In: Readings in the sociology of language. Ed. by Fishman J. A. The Hague. 1968.
9. Goossens J. Deutsche Dialektologie. Berlin — New York, 1977.
10. Rupp H. Tendenzen, Formen und Strukturen der deutschen Standardsprache in der Schweiz. — In: Linguistische Studien, Reihe A, 1983, Hf. 111.
11. Kloss H. Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen seit 1800. 2-te Aufl. Düsseldorf, 1978.